

ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ ГАЗИЗОВ

аспирант, ассистент кафедры истории
Мурманский арктический университет
(Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0003-1654-4926; slava99.q@mail.ru

КОРПУС СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В XVII ВЕКЕ

А н н о т а ц и я . В современной историографии большой интерес вызывает проблема организации вооруженных сил Русского государства в допетровский период. Исследователи рассматривают целый комплекс проблем, не только связанных с вопросами исключительно военной истории (численность, вооружение, участие в крупных кампаниях и локальных конфликтах XVII века), но и относящихся к социальной проблематике (порядок комплектования, взаимоотношения военнослужащих с военной и гражданской администрацией, участие в социальных волнениях, ремесленные, торговые и промысловые занятия стрельцов и др.). Последняя группа вопросов находится на стыке таких направлений научного знания, как социальная история и историческая антропология. Актуальность данного исследования обусловлена как отсутствием специальных работ по истории стрелецкого гарнизона Кольского острога, так и той значительной ролью, которую стрелецкие головы играли в управлении гарнизоном, взаимодействии с воеводской администрацией, местным русским и саамским населением уезда. Целью является раскрытие социального и служебного положения стрелецких голов Кольского острога, являвшихся руководителями местного гарнизона. Для осуществления этой цели планируется решение следующих задач: 1) выявление должностных обязанностей голов; 2) раскрытие порядка назначения на должность; 3) установление положения голов в структуре служилого сословия России и их материальное обеспечение; 4) участие голов в управлении гарнизоном, взаимодействие с воеводой Кольского уезда. В результате изучения проблемы удалось установить биографические данные 25 стрелецких голов острога, проследить их военную и административную карьеру, раскрыть материальное положение и размер жалованья, выявить типичные обязанности голов на протяжении XVII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : стрелецкий голова, стрелецкий гарнизон, Кольский острог, служилые люди, воевода

Д л я ц и т и р о в а н и я : Газизов В. В. Корпус стрелецких голов Кольского острога в XVII веке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 59–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1250

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XVII века в приграничных городах Московского царства наблюдается тенденция увеличения численности военных гарнизонов. В связи с регулярными войнами и набегами крымских татар укрепление границ стало важной задачей для правительства. Эта тенденция не обошла стороной и гарнизон Кольского острога. Так, с конца XVI до первой четверти XVII века он увеличился с 30 до 500 человек в связи с угрозой экспансии Датско-Норвежского и Шведского королевств. В результате численного роста гарнизона в Кольском остроге сформировался полноценный стрелецкий приказ, с конца XVII века – стрелецкий полк. Руководителем этого приказа был стрелецкий голова.

Стрелецкие головы Кольского острога играли важную роль в жизни гарнизона и уезда на про-

тяжении XVII века. В их обязанности входило обеспечение полной численности стрелецкого приказа, режима перемещения в стрелецкой слободе как военнослужащих, так и гражданских, организация поиска беглых стрельцов, руководство стрельцами в военное время, осуществление суда над стрельцами и ответственность за их поступки, защита от притеснений со стороны воеводской власти¹. Кроме того, стрелецкие головы могли исполнять обязанности воевод на период их отсутствия².

В советской историографии вопрос о стрелецких головах раскрыт не полностью. Исследователи рассматривали командный состав и функции голов в военное время [12: 83–93], установили их поименный состав с конца XVII до начала XVIII века [17: 275–276]. Уделялось внимание и смежным вопросам: составу и ста-

тусу, жалованью и обязанностям служилых людей «по отечеству» [23: 76–83]. В современной историографии новым направлением стала просопография командного состава русской армии. В целом ряде работ представлены «коллективные» биографии стрелецких голов XVI–XVII веков [9], [11], [14], [18], [20], [24].

Общая характеристика обязанностей, жалования, социального положения московских стрелецких голов содержится в работах М. Ю. Романова [19: 124–138], [21: 91–102], А. В. Писарева [15]. Однако социальное положение московских стрелецких голов детально не исследовалось, так как авторы акцентировали внимание на их участии в военных кампаниях и социальных потрясениях [2], [3], [15], [19].

На сегодняшний день актуальным направлением исследования стало изучение командного состава городских стрельцов. Социальное положение, роль и деятельность стрелецких голов в жизни локальных обществ раскрыты на примере гарнизонов Центра и Юга России, а также Левобережной Украины³ [1: 372–381], [7], [8], [13], [23]. Стрелецкие гарнизоны городов Русского Севера до сих пор остаются малоизученными. Так, исследователи рассматривали положение стрелецких голов в Вологде [16]. Об отдельных персоналиях находим упоминания в одной из работ по истории Архангельска [10].

Актуальность проблемы исследования определяется, во-первых, отсутствием специальных работ по истории гарнизона Кольского острога, во-вторых, заметной ролью стрелецких голов в управлении не только вверенным стрелецким приказом, но и регионом в целом. Так, во время отсутствия воеводы его должностные обязанности передавались стрелецкому голове. Оба должностных лица совмещали военные и гражданские полномочия. Таким образом, изучение корпуса стрелецких голов является необходимым условием для раскрытия системы управления регионом. В историографии есть только упоминания некоторых стрелецких голов [6: 349], [22: 58].

Источниковой базой исследования являются челобитные стрелецких голов в Новгородский приказ, царские грамоты из Новгородского приказа стрелецким головам, наказы стрелецким головам, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов в фондах 141 (Приказные дела старых лет) и 159 (Приказные дела новой разборки).

КОРПУС СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ

Первый стрелецкий голова появился в Кольском остроге в 1618/19 году в связи с увеличе-

нием стрелецкого гарнизона до 500 человек. До 1618/19 года гарнизон составлял 200 человек. Согласно свидетельству земского старосты Антипа Иевлева: «В прошлом, государь, со 127-го году по твоему государеву... указу прислан в Колской острог голова стрелецкой да три сотника, а с ними ярославских и новоприборных стрельцов триста человек»⁴. Удалось установить, что первым стрелецким головой в Кольском остроге был Иван Ушаков, командующий приказом ярославских стрельцов⁵.

Всего с 1618/19 по 1700 год удалось выявить 25 стрелецких голов. Этот список не является исчерпывающим и содержит лакуны. Фрагментарно сохранились сведения о стрелецких головах для 1620–1660-х годов. Документы, датированные последней третью XVII века, сохранились намного лучше, что позволяет восстановить состав корпуса стрелецких голов. Из выявленного числа только для 13 человек удалось установить факты биографии и материальное положение. К исследованию также были привлечены челобитные претендентов, не получивших назначение на должность головы в остроге. Далее рассмотрим порядок назначения, службу и социальное положение голов Кольского острога.

Во многих городах Центра и Юга России стрелецкие головы подчинялись Разрядному и Стрелецкому приказам, назначавшим на эту должность⁶ [1: 372], [2: 7–10], [8: 62–63]. Для стрелецких голов Кольского острога вышестоящей инстанцией являлся Новгородский приказ, который через кольских воевод ставил военные задачи⁷. В случае необходимости головы подавали челобитные именно в этот приказ. Так, в частности, поступил стрелецкий голова Иван Наполской, просивший повысить ему жалованье⁸.

Если претендент на должность стрелецкого головы был иностранцем или офицером из полка нового строя, Новгородский приказ должен был решать вопрос о его назначении с Иноземским и Рейтарским приказами⁹. Всеми городскими стрелецкими гарнизонами, а именно устройством, снабжением и внутренней жизнью, ведал Стрелецкий приказ, поэтому стрелецкие головы также находились в подчинении этого ведомства¹⁰.

Претенденты на должность стрелецкого головы Кольского острога служили в дворянском ополчении и были людьми пришлыми. Это связано с тем, что в Кольском уезде не было служилых людей «по отечеству», в отличие от других районов страны, где существовала возможность назначения местных дворян на службу. До последней трети XVII века стрелецкие головы на-

значались из числа дворян и детей боярских. В последней трети XVII века это были жильцы (3 из 13 стрелецких голов и 1 претендент, не назначенный на должность)¹¹, а также низшие офицерские чины в полках нового строя (1 «порутчик пехотного салдацкого строя», 1 адъютант рейтарского строя, 1 «прапорщик новгородец копейного строя» и 1 прапорщик рейтарского строя)¹². Часть стрелецких голов начинали свою служебную карьеру с самых низших чинов.

Осип Деревецкой служил рейтаром в Новгородском полку Бежецкой пятины, в 1672/73 году стал копейщиком «с разбору боярина князя Ивана Андреевича Хованского»¹³, а к моменту назначения на должность стрелецкого головы в 1697 году уже был прапорщиком копейного строя¹⁴. Федор Суровцев указан как «жилец, в офицерах, в гусарах, в копейщиках, в рейтарах с 7191 (1682/83) года»¹⁵. Савелий Трескин с 1688/89 года был в рейтарах¹⁶, а к 1700 году уже служил прапорщиком рейтарского строя¹⁷.

На рубеже 1670–1680-х годов, кроме дворян из полков нового строя, стрелецкими головами стали назначаться иноземцы. Это было характерно и для остальных регионов Московского царства. По мнению В. Н. Глазьева, правительство пыталось с помощью иноземцев и офицеров полков нового строя повысить боеспособность городских стрельцов, обучив их солдатскому порядку [8: 65]. Также это связано с тем, что в 1680 году была проведена военно-окружная реформа, заключавшаяся в переводе стрельцов в солдаты, что должно было унифицировать вооруженные силы государства [23: 189]. В связи с этим везде стрелецкие головы переименовывались в модернизированные звания полковников, подполковников и майоров. Хотя эта реформа и затронула Кольский острог, должность стрелецкого головы не была переименована. Однако в челобитной местных жителей стрелецкий голова Осип Деревецкой называется полковым капитаном¹⁸.

В 1683 году стрелецким головой стал иноземец – подполковник Ирик Григорьевич Фанверден¹⁹. Он единственный из известных нам голов носил такой высокий офицерский чин. В 1700 году на должность стрелецкого головы подал челобитную новокрещеный иноземец Иван Дмитриевич Чюмай²⁰.

Сама должность головы в Кольском остроге не считалась престижной, в связи с чем на нее претендовали представители низшего дворянства. Назначение на должность стрелецкого головы рассматривалось как награда за службу:

оно позволяло улучшить материальное положение и сделать военную карьеру. Так, Леонтий Азарьев занимал должность стрелецкого головы в 1646/47 году²¹, а после завершения службы в Кольском остроге в 1650-х годах командовал московским стрелецким приказом, участвовавшим в составе полка боярина и воеводы князя А. Н. Трубецкого в Русско-польской войне [4: 48]. Следующим этапом его карьеры стало пожалование чина московского дворянина [5: 282]. Стрелецкий голова Федор Сверчков, занимавший пост в 1695–1697 годах, в начале XVIII века уже имел чин стряпчего в начальных людях²². Алексей Самарин, голова в Кольском остроге в 1627–1629 годах, в 1631 году служил стрелецким головой в Архангельске²³.

Однако статус стрелецких голов Кольского острога был ниже по сравнению с Югом России или Москвой. Известно, что в Нежине и ряде других городов стрелецкие головы были полковниками, полуполковниками, подполковниками и майорами [1: 372], [8: 65]. Первый стрелецкий голова белгородского приказа К. А. Иевлев был в чине стряпчего [2: 10]. Некоторые стрелецкие головы московских приказов имели чин стольника [21: 98].

Назначение стрелецких голов, как и воевод, происходило либо по инициативе государства, либо по просьбе претендента, подававшего челобитную с указанием своих заслуг. Вторая форма назначения стрелецких голов в Кольский острог была доминирующей.

Как и в случае с воеводством, кандидат на должность стрелецкого головы перечислял в челобитной заслуги не только свои, но и близких родственников: срок службы, пребывание в плену, гибель и ранения, участие в военных кампаниях, материальное положение [8: 63]. Служба в Кольском остроге носила преимущественно мирный характер, поскольку после окончания Смуты здесь не происходило военных конфликтов.

Стрелецких голов, как и воевод, назначали на должность на два года. Со второй половины 1680-х годов сложилась практика назначения стрелецких голов на должность с 1 июня²⁴. Если стрелецкий голова не притеснял стрельцов и должным образом исполнял свои обязанности, местное население могло попросить власти продлить его службу еще на год. Таким примером была служба головы М. Ощерина, занимавшего должность три года (1671/72–1674 годы)²⁵. В 1696 году посадские люди Кольского острога подали челобитную с просьбой оставить стрелецкого голову

Ф. Сверчкова в должности еще на год²⁶. Ф. Суровцев занимал пост стрелецкого головы дважды, в 1674–1676²⁷ и 1685–1687 годах²⁸.

Нередким явлением была практика подачи челобитной на должность стрелецкого головы, а также стрелецкого сотника родственником действующего руководителя гарнизона Кольского острога. Так, известно, что головами и сотниками были братья Ощерины, Чернцовы и Сверчковы. Причем Тимофей и Федор Сверчковы несли службу друг за другом: Тимофей в 1693–1695 годах²⁹, а Федор в 1695–1697 годах³⁰. Это порождало злоупотребления, поскольку один родственник покрывал другого. Результатом этого была, в частности, неполная передача имущества и документации.

Стрелецкие головы могли находиться в должности меньше установленного срока. Это было связано с раскрытием злоупотреблений головы и его последующей отставкой или плохим состоянием здоровья. По неизвестной причине в 1683 году раньше срока вышел в отставку голова Л. Чернцов³¹. Об отставке в челобитной просил И. Фанверден в 1684 году, а Ф. Суровцев оставил должность в 1676 году из-за вызова в Москву для судебного разбирательства³². По причине болезни покинул должность Савелий Трешкин, сообщавший в челобитной, что «ныне лежить болен, и за болезнью стрелцами управлять не может»³³. По указу Новгородского приказа его заменил родной брат Дементий³⁴.

По сведениям челобитных и разборных книг можно установить, через сколько лет службы претенденты становились стрелецкими головами. Так, Д. Ощерин, согласно данным разборной книги пошехонских служилых людей, поступил на службу в 1675/76 году в возрасте 14 лет³⁵. Таким образом, стрелецким головой Колы он стал в 26–27 лет, прослужив к этому времени около 11–12 лет³⁶. От 15 до 20 лет, прежде чем занять должность головы, находились на службе Л. Потресов³⁷ и И. Скорбеев³⁸. О. Деревецкий до 1672/73 года служил рейтаром³⁹, а спустя 25 лет, в 1697 году, оказался на службе в Кольском остроге⁴⁰. Никто из кольских стрелецких голов не занимал эту должность ранее в каких-либо других городах.

Сохранились также сведения о претендентах, которых не выбрали на должность стрелецкого головы. Так, Т. Косоговской прослужил более 10 лет перед тем, как подать челобитную⁴¹, Д. Есипов – 27–28 лет⁴², М. Дедев – 30 лет⁴³. М. Шорыгин ранее занимал должность воеводы в Чернойрской крепости, с которой был по какой-то причине досрочно уволен⁴⁴. Это единственный известный

претендент на должность стрелецкого головы Кольского острога, занимавший столь высокий пост.

Таким образом, претендовавшие на должность стрелецкого головы имели выслугу 10–30 лет. Заметна тенденция назначения на должность за активное участие в военных кампаниях. Так, Д. Ощерин в 1676/77–1678 годах служил под Чигирином, в 1678/79 году – под Киевом, в 1679/80 году – в Путивле, в 1681/82 году – в Казани и бился «с турскими и крымскими людьми, не щадя головы своея»⁴⁵.

Стрелецкий голова Иван Скорбеев в 1689 году во время Крымского похода участвовал в сражении под Перекопом, а также в битве под Чигирином, где получил серьезные увечья: «на боях ранен левая нога, наскрость из лука пострелена, и от той же тяжелой раны у той же ноги у всех палцов по суставу прочь отволилась, да правая нога выше колена копьем пробита»⁴⁶.

Те претенденты, кто не мог похвастаться значительными боевыми заслугами, надеялись на получение должности по выслуге лет. Так, Л. И. Потресов нес службу в течение 20 лет: «был в Курске, и в Карпове [в] сторожевье». О его участии в военных кампаниях ничего не известно⁴⁷. Никаких личных заслуг не называл в челобитной и М. Дедев, ссылаясь только на тридцатилетнюю службу⁴⁸.

Таким образом, стрелецкие головы и претенденты 1670–1690-х годов были участниками Русско-польской войны, а также военных действий на территории Юга Московского царства (Русско-турецкой войны 1672–1681 годов, Крымских походов, Азовских походов).

Кроме личных, при назначении на должность стрелецкого головы учитывались заслуги, пленение или гибель родственников претендента. У стрелецкого головы Л. Потресова отец служил Василию Шуйскому, трижды участвовал в обороне Москвы, а также в разгроме движения Ивана Болотникова под Калугой и Тулой⁴⁹. Богатым был послужной список родственников Федора Суровцева: его отец погиб в ходе Русско-польской войны при осаде крепости Дубровны в 1654 году, брат участвовал в битве под Чудновым в 1660 году, после чего оказался в крымском плену на 20 лет⁵⁰.

Родственники большинства стрелецких голов Колы 1670–1690-х годов были участниками Русско-польской войны 1654–1667 годов, многие из них получили тяжелые ранения или погибли. Так, стрелецкий голова Д. Ощерин указывал, что его отец 13 лет находился в польском плену,

а также участвовал в боевых действиях против сил Степана Разина, где получил ранение⁵¹. Родной дядя Ощерина был убит и «изсечен в мелкие части» в битве у села Губари в 1660 году⁵². Отец стрелецкого головы Ивана Скорбеева получил серьезное ранение в правую руку под Конотопом в 1659 году, после чего скончался. Брат Ивана в этой же битве попал в плен⁵³. И если заслуги одних родственников возвеличивались, то о службе других в челобитных умалчивалось. У того же Ощерина брат Богдан нес службу в Кольском остроге стрелецким сотником⁵⁴, однако об этом он в своей челобитной даже не упомянул.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ

Обратимся к вопросу материального положения стрелецких голов. По данным А. В. Чернова, стрелецкие головы Московского царства имели поместный оклад в среднем 300–500 четвертей [23: 83]. Эта оценка справедлива и для стрелецких голов Кольского острога. Так, стрелецкий голова И. Наполской имел поместный оклад в 400 четвертей, в реальности владея помещьем в 120 четвертей, на котором стояли два крестьянских и два бобыльских двора⁵⁵. Материальное положение стрелецкого головы Осипа Деревецкого было следующим. Он был верстан на службу в 1672/73 году с поместным окладом в 350 четвертей, в дополнение к которому имел крестьянский двор в Рязанском уезде, доставшийся ему от отца⁵⁶. Кроме того, он получал жалованье за службу копейщиком в размере 6 руб.⁵⁷ Отцовское поместье было получено стрелецким головой Д. Ощериным, записанным на службу в 1677 году: оно было разбросано в разных местах Белосельского стана Пошехонского уезда⁵⁸.

Более высоким был поместный оклад стрелецких голов Москвы и Юга России. Так, стрелецкий голова Ельца Ф. И. Тюнин владел помещьем в 620 четвертей, на котором стояло 25 крестьянских и восемь бобыльских дворов [8: 63]. Московский стрелецкий голова Ф. П. Нарышкин поступил на службу в чине жильца с поместным окладом в 820 четвертей [21: 96]. Ни один из кольских стрелецких голов не мог похвастаться таким поместным обеспечением.

Нередко стрелецкие головы жаловались на упадок собственного хозяйства, вызванный продолжительным отсутствием дома и участием в военных походах. Так, Ф. Суровцев, дважды занимавший должность головы, жаловался в 1685 году: «Я, холоп ваш, ныне волею Божию разорился, погорел без остатку, не осталось

ни кола, скитаюсь меж двор, помираю голодною смертью»⁵⁹. В бедственном положении оказался и И. Скорбеев, сообщавший в 1691 году в челобитной: «Я, холоп ваш, будучи на ваших, великих государей, службах, людишками обмер, и лошадка опал, и великими долгами одолжал»⁶⁰.

Незавидное материальное положение было и у претендентов на должность стрелецкого головы, чья просьба не была удовлетворена. Так, Мокей Дедев имел небольшое поместье в Новгородском уезде, с которого ему было «питатца» нечем, потому что «от тех твоих, великого государя, служеб одолжал великим долгом и оскудал болшею скудостью»⁶¹. Служба рассматривалась как компенсация материального неблагополучия, понесенного в результате многолетней службы и участия в военных походах.

Поместный оклад стрелецких голов был далеко не единственным источником их доходов. За службу они получали от государства денежное жалованье. В отличие от рядовых стрельцов, они не могли рассчитывать на хлебное жалованье. В первой половине XVII века стрелецкие головы Кольского острога получали годовое денежное жалованье 25 руб.⁶² Его размер был ниже, чем у стрелецких голов других городов. Так, стрелецкие головы Вологды, Архангельска и Холмогор получали 30 руб. в год⁶³, а также 30 четей ржи и 30 четей овса⁶⁴. К сожалению, информации о выплате денежного и хлебного жалованья стрелецким головам Кольского острога во второй половине XVII века у нас нет.

Низкий размер жалованья стрелецких голов Кольского острога мог быть обусловлен отсутствием регулярных военных конфликтов на Севере. Напротив, в стрелецких гарнизонах Юга страны (в частности, в Нежине), где существовала постоянная военная опасность, размер жалованья был достаточно высок, колеблясь от 30 до 180 руб. в год [1: 378–380]. Головы столичного гарнизона получали до 200 руб. годового жалованья [21: 95].

ВЫВОДЫ

Подведем итоги нашего исследования. В Кольском остроге стрелецкие головы занимали высокое положение, являясь по важности вторыми людьми после воеводы. Это было обусловлено отсутствием в регионе служилых людей «по отечеству», способных составить им конкуренцию.

Перед занятием должности будущие головы уже имели за плечами немалый стаж военной и административной службы, насчитывавший от 10 до 30 лет. Нередко они являлись участника-

ми крупных военных кампаний второй половины XVII века: войн Русско-польской 1654–1667 годов и Русско-турецкой 1672–1681 годов, Крымских походов 1687–1689 годов. Это касалось не только самих голов, но и их ближайших родственников (отцов, братьев), некоторые из них в этих войнах получали тяжелые ранения и гибли. Именно военные заслуги открывали служилым людям перспективы получить должность стрелецкого головы в Коле.

Стрелецкие головы были небогаты. Неудивительно, что назначение на должность воспринималось ими не только как заслуженная награда, но и возможность поправить свое положение. Эта служба могла оказаться ступенью в последующей военной и административной карьере, что сулило увеличение жалованья и поместного оклада.

Как правило, срок службы для голов составлял два года. Случаи его продления были нечастыми. Причиной преждевременной отставки головы могли стать его злоупотребления и состояние здоровья.

По царскому указу 1700 года «в Колском остроге у стрелцов головам быть не велено»⁶⁵. Гарнизон переходил в ведение воевод, а последний стрелецкий голова Дементий Трескин был отослан из Колы в Москву. Одной из причин упразднения должности стало сокращение стрелецкого гарнизона с 500 до 300 человек⁶⁶. Однако от резкого сокращения численности гарнизона отказались ввиду начавшейся Северной войны и вызванной ею опасности нападения неприятеля на Русский Север⁶⁷. Несмотря на это, должность стрелецкого головы восстановлена не была.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 999. Л. 6–33.
- ² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Кольский острог. Д. 1. Л. 1 об.
- ³ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. С. 57–69.
- ⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 63. Л. 91.
- ⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 91–92.
- ⁶ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов... С. 67–68.
- ⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 236.
- ⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 31. Л. 267.
- ⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 1.
- ¹⁰ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов... С. 67–68.
- ¹¹ Жилец – служилый чин в Московском царстве в XVII веке, в который входили лучшие дворяне и дети боярские, поочередно присылавшиеся из всех городов на три года в Москву для охраны особы государя и несения некоторых придворных служб. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 102, 105; Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=13313 (дата обращения 09.08.2025).
- ¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 104; Ф. 141. Оп. 7. 1691 г. Д. 3. Л. 1; Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁵ Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система...
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 876. Л. 125.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1909. Л. 2.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 3.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 9 об.
- ²² Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система...
- ²³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 5. Л. 1–4.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 437.
- ²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 69–70.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1696. Д. 688.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 289. Л. 69; Д. 573. Л. 111.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 105–107.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 48. Л. 1–2.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4626. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 1909. Л. 2.
- ³² Там же. Д. 573. Л. 111–112.
- ³³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 2.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 29. Л. 172.
³⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 104.
³⁷ Там же. Д. 999. Л. 5.
³⁸ Там же. Д. 1102. Л. 600.
³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
⁴¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 289. Л. 67.
⁴² Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 231.
⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 435.
⁴⁵ Там же. Л. 104.
⁴⁶ Там же. Л. 600.
⁴⁷ Там же. Д. 999. Л. 5.
⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 999. Л. 5.
⁵⁰ Там же. Д. 1102. Л. 228.
⁵¹ Там же. Л. 104.
⁵² Там же.
⁵³ Там же. Л. 600.
⁵⁴ Стрелецким сотником Богдан Ощерин служил в 1670-х годах. В 1684 году он был утвержден на должность стрелецкого головы, однако по пути в Кольский острог скончался. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 473. Л. 105.
⁵⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 31. Л. 267.
⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же. Л. 171 об.
⁵⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 228.
⁶⁰ Там же. Л. 600.
⁶¹ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁶² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Новгород. Д. 16. Л. 692; Ф. 137. Оп. 1м. Новгород. Д. 18. Л. 1352; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. С. 131.
⁶³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Архангельск. Д. 3. Л. 136–136 об.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
⁶⁶ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 35.
⁶⁷ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 552 с.
2. Ахметов Р. Б., Бабулин И. Б. Белгородский приказ московских стрельцов в 1658–1680 гг. Очерк полковой истории // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 1–59 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin (дата обращения 28.07.2025).
3. Бабулин И. Б. Московские стрельцы: боевой путь приказа Василия Пушечникова // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 10–18.
4. Бабулин И. Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичях 1654 года. М.: Русские витязи, 2018. 227 с.
5. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 463 с.
6. Волков В. В. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 571 с.
7. Глазьев В. Н. Военная повседневность Южного российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20, вып. 10. С. 71–78.
8. Глазьев В. Н. «Стрелецкие головы» в городах южного приграничья в XVII в. // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 61–68.
9. Глазьев В. В. Стрельцы и их начальники в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I: Статьи. Вып. II. С. 188–202 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2013/03/28/glaziev> (дата обращения 26.07.2025).

10. Гостев И. В. Стрелецкие знамена в фондах Архангельского краеведческого музея // Краеведческий музей в XXI веке. Традиции и новации: Сб. докл. науч.-практ. конф. 22–23 ноября 2017 г. Архангельск: Лит.-изд. центр «Лоция», 2018. С. 69–88.
11. Малов А. В. Головы и сотники московских стрельцов при отражении вторжения войск королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятое чтение памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф., Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 615–623.
12. Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 27, вып. 2: Труды кафедры истории СССР. М., 1953. С. 63–95.
13. Молочников А. М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 3. С. 321–369 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (дата обращения 26.07.2025).
14. Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М.: Центрполиграф, 2021. 320 с.
15. Писарев А. В. Московские стрельцы второй половины XVII – начала XVIII века. «Из самопалов стрелять ловки». М.: Эксмо, 2021. 240 с.
16. Пугач И. В. Вологодский гарнизон в XVII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков: Сб. ст. в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 249–268.
17. Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. № 58. С. 273–305.
18. Романов М. Ю. Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. 9. С. 123–168.
19. Романов М. Ю. Москва стрелецкая. М.: НО «ИЦ «Московведение», 2012. 280 с.
20. Романов М. Ю. «Список стрелецких голов и сотников» как источник по истории Смуты в России начала XVII века // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. 7. С. 265–290.
21. Романов М. Ю. Стрельцы московские. М., 2004. 350 с.
22. Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Т. 3: Кольская старина. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1998. 486 с.
23. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
24. Шокарев С. Ю. Стрелецкие головы в социально-политической борьбе конца XVI – начала XVII века // Смутное время: итоги и уроки: Сб. материалов второй Всерос. науч. конф. Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апреля 2012 г. Иваново, 2012. С. 402–413.
25. Davies B. L. State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635–1649. Basingstoke, Hants; New York, Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

Поступила в редакцию 13.10.2025; принята к публикации 03.11.2025

Original article

Vyacheslav V. Gazizov, Postgraduate Student, Teaching Assistant, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0003-1654-4926; slava99.q@mail.ru

CORPS OF THE STRELTSY HEADS AT THE KOLA FORTRESS IN THE XVII CENTURY

Abstract. In contemporary historiography, the organization of the Russian state's armed forces during the pre-Petrine period remains a subject of significant interest. Researchers examine a broad range of issues that extend beyond military history (such as personnel numbers, armaments, and participation in major campaigns and local conflicts of the XVII century), while also addressing social aspects (including recruitment procedures, relations between military personnel and civil and military administrations, involvement in social unrest, and the craft, trade, and fishing activities of the *streltsy*). The latter group of topics intersects with fields like social history and cultural anthropology. This research is particularly relevant due to the scarcity of dedicated studies on the history of the *streltsy* garrison at the Kola Fortress (*Kola Ostrog*), as well as the crucial role played by the *streltsy* heads in managing the garrison and engaging with the administration of the *voevoda* (warlord), as well as with the local Russian and Sami populations of the *uyezd*. The aim of this study is to explore the social and official status of the *streltsy* heads at the Kola Fortress, who served as the commanders of the local garrison. To achieve this, the research addresses the following objectives: 1) to identify the responsibilities and duties of the *streltsy* heads; 2) to examine the appointment process; 3) to determine their position within the Russian service class hierarchy and assess their financial support; and 4) to analyze their role in garrison management and interactions with the *voevoda* of the Kola *Uyezd*. As a result of this investigation, biographical data on 25 *streltsy* heads were collected, their military and administrative careers traced, and their financial situations and salaries analyzed. Additionally, the study highlighted the typical duties of the *streltsy* heads throughout the XVII century.

Key words: streltsy head, streltsy garrison, Kola Fortress, service men, voevoda, warlord

For citation: Gazizov, V. V. Corps of the streltsy heads at the Kola Fortress in the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):59–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1250

REFERENCES

1. Almazov, A. S. The Nezhyn garrison of “military men” and its relations with the Ukrainian Cossacks, bourgeois, and clergy in 1659–1708. Moscow; St. Petersburg, 2021. 552 p. (In Russ.)
2. Akhmetov, R. B., Babulin, I. B. Belgorod Department (prikaz) of the streltsy of Moscow 1658–1680, the history of the regiment. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2015;VII:1–59. Available at: http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babulin (accessed 28.07.2025). (In Russ.)
3. Babulin, I. B. The Moscow streltsy: military career of the regiment commanded by Vasilii Pushechnikov. *Armii i bitvy*. 2005;4:10–18. (In Russ.)
4. Babulin, I. B. The Smolensk Campaign and the Battle of Shepeleviche in 1654. Moscow, 2018. 227 p. (In Russ.)
5. Belousov, M. R. The Boyar lists of 1645–1667 as historical sources. Vol. 2. Kazan, 2009. 463 p. (In Russ.)
6. Volkov, V. V. Wars and armies of the Muscovite Tsardom. Moscow, 2004. 571 p. (In Russ.)
7. Glaziyev, V. N. Military daily routine of south Russian frontier XVII century. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015;20(10):71–78. (In Russ.)
8. Glaziyev, V. N. The “streltsy heads” in the cities of the southern borderlands in the XVII century. *History: Facts and Symbols*. 2020;1(22):61–68. (In Russ.)
9. Glaziyev, V. V. The streltsy and their commanders in the XVI century. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2013. Special issue. I. Russian army in the era of Tsar Ivan IV the Terrible: Materials of the scholarly discussion commemorating the 455th anniversary of the beginning of the Livonian War. Part I: Articles. Issue II. P. 188–202. Available at: <http://www.milhist.info/2013/03/28/glaziyev> (accessed 26.07.2025). (In Russ.)
10. Gostev, I. V. The streltsy banners in the collections of the Arkhangelsk Local History Museum. *Local history museums in the XXI century. Traditions and innovations: Proceedings of the scientific and practical conference (22–23 November 2017)*. Arkhangelsk, 2018. P. 69–88. (In Russ.)
11. Malov, A. V. Warlords and hundreders of the Moscow streltsy in repelling the invasion of the Polish Crown Prince Ladislaus in 1617–1618. *Rus, Russia: The Middle Ages and the modern period*. Issue 5: The Fifth Readings Commemorating the RAS Academician L. V. Milov: Proceedings of the international research conference (Moscow, 9–10 November 2017). Moscow, 2017. P. 615–623. (In Russ.)
12. Margolin, S. L. On the organization and social composition of the streltsy army in the XVII century. *Scientific notes of Moscow Region Pedagogical Institute*. Vol. 27, Issue 2: Proceedings of the Department of the USSR History. Moscow, 1953. P. 63–95. (In Russ.)
13. Molochnikov, A. M. The Smolensk streltsy regiments and their commanders during the Time of Troubles. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2012;3:321–369. Available at: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (accessed 26.07.2025). (In Russ.)
14. Penskoj, V. V. The “centurions” of Ivan the Terrible. Warlords and heads of the Moscow army during the second half of the XVI century. Moscow, 2021. 320 p. (In Russ.)
15. Pisarev, A. V. The Moscow streltsy during the second half of the XVII century and the early XVIII century. “They shoot their firearms masterfully”. Moscow, 2021. 240 p. (In Russ.)
16. Pugach, I. V. The Vologda garrison in the XVII century. *Traditional and innovative approaches to studying Russian social history of the XII–XX centuries: Collection of articles commemorating Elena Nikolaevna Shveykovskaya*. Moscow, 2021. P. 249–268. (In Russ.)
17. Rabinovich, M. D. The streltsy in the first quarter of the XVIII century. *Istoricheskie zapiski*. 1956;58:273–305. (In Russ.)
18. Romanov, M. Yu. The streltsy commanding cadres of the Moscow garrison in the aftermath of the “Time of Troubles” (1613–1628). *History of Military Art: Researches and Sources*. 2017;9:123–168. (In Russ.)
19. Romanov, M. Yu. Moscow of the streltsy. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
20. Romanov, M. Yu. “The List of the Streltsy Heads and Hundreders” as a source for studying the history of the Time of Troubles in Russia. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2015;7:265–290. (In Russ.)
21. Romanov, M. Yu. The Moscow streltsy. Moscow, 2004. 350 p. (In Russ.)
22. Ushakov, I. F. Selected works. Vol. 3: Kola antiquity. Murmansk, 1998. 486 p. (In Russ.)
23. Chernov, A. V. The armed forces of the Russian state between the XV and XVII centuries. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
24. Shokarev, S. Yu. The streltsy heads in the socio-political struggle of the late XVI and early XVII centuries. *The Time of Troubles: results and lessons: Proceedings of the second all-Russian conference (Ivanovo – Kokhma – Shuya, 20–22 April 2012)*. Ivanovo, 2012. P. 402–413. (In Russ.)
25. Davies, B. L. State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635–1649. Basingstoke; New York, 2004. 308 p.

Received: 13 October 2025; accepted: 3 November 2025